

Старая госпожа Ли теперь заправляла домом лишь наполовину. А всё потому, что снохи перестали бояться её так, как прежде. Оно и понятно: взять ту же старшую тётку — сама уже давно внуков нянчит.

Поначалу снохи вели себя уважительно, слова дурного не говорили. Но шло время, Ли Цимэй гостила в родительском доме всё дольше, и бабьей покладистости пришёл конец. Кому понравится, что свекровь каждый божий день потчует дочку дефицитным яйцом?

Как в народе говорят: родня хороша на расстоянии. Наезжай Цимэй раз или два в год, привози гостинцы — её бы на пороге с поклоном встречали. А тут сидит на шее целыми днями, даром хлеб ест, да ещё и получше кусок норовит урвать. Тут и до ссоры недалеко.

— И когда только эти Вани её заберут? Нельзя же вечно бабу у родителей держать, будто дела до неё нет, — шушукались снохи.

— Да кто их знает! Родила подряд трёх девок. Может, семейка Вань решила от неё избавиться да новую жену взять?

— Всё может быть. Сразу видно — несчастная бабёнка. Сейчас ведь по закону много рожать не велят, так что сына ей, видать, в этой жизни уже не видать.

Свояченицы только языками чесали, как вдруг из-за угла с диким воплем вылетела старая госпожа Ли.

— Ах вы твари паршивые, змеи подколенные! — завопила она, бросаясь на них с кулаками. — Да как у вас язык повернулся дочку мою проклинать!

Завязалась потасовка. Только куда старухе против молодых и крепких баб? Снохи безропотно побои терпеть не стали, оборонялись в полную силу. Кончилось всё тем, что Старая госпожа Ли повалилась на землю и зашлась в истошном плаче, выкрикивая проклятия. Требовала от сыновей немедленно развестись с этими мегерами. Но сыновья, конечно, и ухом не повели. В отместку обиженные снохи наотрез отказались ухаживать за свекровью — старуха даже ужинать не пришла, а к ней никто и носа не казал.

Подобные представления разыгрывались в усадьбе каждые два-три дня. В деревне Сикань новости разлетались мгновенно. Да и скрывать их никто не пытался: местные бабы то ли привыкли орать, то ли глотки у них были лужёные, но когда они начинали лаяться, крики разносились далеко за околицу.

Гоуданя всё это жутко раздражало. Старуха приходилась ему родной бабкой, и хоть он знать её не хотел, кумушки то и дело норовили пересказать ему свежие сплетни. От безделья люди

обожали копаться в чужом грязном белье. Стоило заговорить о старом доме Ли, как разговор неминуемо сворачивал на Ли Сы, от него — к Гоуданю, а там приплетали и Ван Сюаня, и немую мать Гоуданя, и отца Ван Сюаня.

Языком болтать — не мешки ворочать, денег за это не берут. Гоудань и Ван Сюань теперь выбились в люди, и односельчане, хоть и завидовали им, в душе исходили желчью. Шептались за спинами: «Подумать только, в прежние времена этот Лао Сы голодал, в штанах с дырой на заднице ходил, даже баба от него сбежала. А Гоудань мальчишкой круглый год голозадый бегал, чумазый да сопливый... И кто бы мог подумать, что теперь они так поднялись?»

Гоудань на эти пересуды плевать хотел — чужой роток не накинешь платок. В глаза его нахваливают, а за глаза, небось, кости перемывают. Времени у него на эту ерунду не было. На свете нет ничего, что нравилось бы абсолютно всем, кроме хрустящих юаней.

Он надеялся, что дрязги в старом доме так и останутся темой для досужих разговоров и его семьи не коснутся. Но беда пришла откуда не ждали.

Однажды, вернувшись домой, Гоудань застал у себя старую госпожу Ли и Ли Цимэй. Обе сидели на лавке так прочно, словно пустили там корни. У Гоуданя аж брови поползли вверх от досады.

— И что это значит? — спросил он холодным тоном.

— Пусть твоя тётка поживёт здесь пару дней, — нерешительно подала голос старуха.

Гоудань перевёл тяжёлый взгляд на отца. Ли Сы и сам не ожидал, что мать выкинет такой фокус, и теперь сидел ни жив ни мёртв.

— У нас нет места, — отрезал Гоудань.

Старая госпожа Ли набрала в грудь воздуха, собираясь завывать на всю деревню, но парень опередил её:

— Только попробуй заголосить. Вылетите отсюда обе в ту же секунду.

Старуха поперхнулась воздухом, едва не закашлявшись. Этот внук, казалось, спал и видел, как бы сжить её со свету.

— Четвёртый брат, — тихонько проговорила Ли Цимэй, у которой синяки на лице уже начали сходить. — Я правда только на несколько дней. Вот заберут меня Вани, и я сразу уйду. Могу на полу постелить, прямо в кухне на соломе перебуюсь.

Ли Сы посмотрел на сына с мольбой в глазах. Гоудань мысленно вздохнул. До разделения семьи эта тётка на него и смотреть не желала. Особым умом или трудолюбием она не отличалась, но, будучи любимицей матери, всегда держала нос кверху. И надо же, во что её превратило замужество...

Сам Гоудань ни за что бы её не оставил, но отец явно хотел помочь.

Ли Сы старел, а сам Гоудань взрослел. Он уже не мог, как раньше, рубить с плеча и перечить отцу по каждому поводу, да и выставить родную бабу с тёткой силой на улицу положение не позволяло.

В этом и заключалась обратная сторона взросления.

Приходилось считаться с авторитетом отца. Если он при всём честном народе утрёт родителю нос, тот слова ему не скажет, но в деревне его больше уважать не будут. Кто станет считаться с человеком, чьё мнение собственный сын ни в грош не ставит?

Повидав жизнь, Гоудань перестал огрызаться по любому поводу, словно загнанный волчонок. Ему стало попросту всё равно. Ничего не сказав, он развернулся и вышел на улицу. Пусть отец решает сам. Главное — чтобы его не трогали.

Ли Цимэй осталась. Надо признать, она сильно изменилась. Раньше от любой работы нос воротила, а теперь хваталась за всё подряд, и дело у неё в руках горело. Видно, в семье Вань ей приходилось несладко. Ей не было и тридцати, а выглядела она как измождённая увядающая женщина.

За едой Цимэй почти не поднимала глаз, набивая рот так поспешно, будто боялась, что отнимут. Она прожила у брата до самого Праздника фонарей. Видя, что муж за ней не торопится, а дома остались три дочери, она уже собиралась уходить сама.

Но тут явился Вань Чэнцай.

Пришёл он не один — видимо, побоялся, что шурины намнут ему бока. Привёл с собой двоих пожилых мужчин и бабу для храбрости, скорее всего, дальнюю родню из своего клана.

Увидев, что за время отсутствия жены никто из братьев Ли не пришёл к нему разбираться, а старая тёща лишь безвредно сыпала проклятиями, Чэнцай воспрянул духом. В дом Ли Сы он вошёл заносчиво, цедил слова сквозь зубы и сразу принялся командовать женой, словно собакой.

Гоудань терпеть не мог таких мужиков. Сам из себя ничтожество, а гонору — до небес.

Но когда этот ублюдок прямо при всех замахнулся и ударил Ли Цимэй по лицу, Гоудань не

выдержал. Он шагнул вперёд и так приложил зятя, что тот покатился по полу, истошно завывая.

— Ты в чьём доме распоряжаться вздумал, паршивец? — Гоудань наступал на него, тяжело дыша. — Думал, у Ли заступиться за неё некому? Здоровый лоб, а только и умеешь, что бабу кулаками учить да за маменькину юбку прятаться! Да я тебе эти грабли по самый локоть обломаю!

— Не надо, не бейте! — закричали спутники Чэнцая, пытаясь разнять их.

Но Гоудань просто отшвырнул их в сторону одной рукой. Против его силы трое деревенских мужиков были как тростинки. Он повалил Вань Чэнцая лицом в грязь и наступил ему на щёку тяжёлым рабочим ботинком.

— И это ничтожество называют «Чэнцаем» — надеждой семьи? Тьфу! Да ты обыкновенный трусливый слизняк. Скажи, слизняк ты или нет?

Чэнцай скулил и изрыгал проклятия. Стоило ему вякнуть что-то гнусное, как Гоудань точно бил его по самым болезненным местам. Зять визжал так, словно его резали живьём. У присутствующих аж мороз по коже пошёл. Поначалу все радовались, что подлецу досталось, но теперь испуганно бросились растаскивать их — мало ли, убьёт ещё сгоряча.

Гоудань, однако, держал себя в руках. Закончив экзекуцию, он бесцеремонно сорвал с Чэнцая верхнюю куртку. На дворе стоял лютый холод, и несчастный зять тут же затрясся, размазывая по лицу слёзы и сопли.

Гоудань неторопливо поправил воротник, уселся на лавку и спокойно произнёс:

— Я его едва коснулся, так, слегка поучил уму-разуму. Просто парень больно нежный, орёт как резаный боров. Сами посмотрите — ни единой ссадины, ни одного синяка. Чтобы потом на меня поклёп не возводили.

Сопровождающие Чэнцая были злы, но возразить не могли. Они осмотрели дрожащего от холода родственника — действительно, кожа чистая, ни следа побоев. А вопил-то как!

«Ну и размазня, — подумали гости. — Маменькин сынок, малейшей боли вытерпеть не может».

Хоть им и не нравилось, что их родственника поколотили на глазах у всех, но Чэнцай сам виноват — первым руку поднял. Окажись братья Ли бесхребетными тюфяками, их бы в округе за людей перестали считать. К тому же трусость Чэнцая вызывала у его же спутников лишь брезгливость.

Гоудань мгновенно сменил гнев на милость, радушно пригласил гостей за стол, а Ван Сюань,

молча наблюдавший за сценой, принёс и разлил по пиалам горячий имбирный чай с тростниковым сахаром. На морозе такой напиток был лучшим спасением.

— Я ведь тоже не драчун какой, — мягко заговорил Гоудань, когда гости согрели руки о пиалы. — Но вы сами посудите: если он в гостях, при шуринах, смеет жену бить, то что же он с ней дома вытворяет? Я слышал, у вас в деревне Ваньцзя все люди грамотные, приличные, законы знают. А тут такое непотребство. Выходит, отдать дочку в вашу деревню — всё равно что в огненную яму толкнуть? Совсем чужих жён за людей не считаете, измываетесь как хотите?

Соседи, прослышав о шуме, уже потихоньку стягивались к дому Ли Сы. Услышав слова Гоуданя, бабы наперебой загалдели:

— И то правда! Совсем стыд потеряли! Столько лет Цимэй к матери не пускали, небось под замком держали!

— Ироды! Будто девку в рабство купили, а не замуж взяли!

— Да кто теперь после такого за парней из деревни Ваньцзя дочек отдаст? Позор на всю округу!

Люди шумели, поддерживая Гоуданя. Кто посмелее, поддакивал ему, желая выслужиться перед успешным односельчанином. Гоудань лишь посмеивался про себя, не вмешиваясь.

— Мы ведь за мирное решение, — продолжил он спокойно. — В конце концов, рушить семью — грех. Но терпеть выходки этого недоноска никто не станет. У вас ведь тоже есть сёстры, дочери. Поставьте себя на наше место — разве сердце не закипит от такой несправедливости?

Гости согласно кивали. Им и в голову не приходило, что Чэнцай окажется настолько глуп, чтобы распускать руки прямо в доме тестя.

Ван Сюань тем временем уже сходил за старейшинами рода Ли и отправил человека в старую усадьбу. Раз уж Вани пришли забирать жену, надо было раз и навсегда расставить все точки над «и». Тесть Чэнцай и его старшие родственники явно недооценили характер Гоуданя. Они-то думали, что всё пройдёт тихо, а теперь им пришлось краснеть перед всей деревней за глупость своего зятя.

<http://bllate.org/book/19654/1996807>